

Императоръ Николай I, какъ носитель идеи франко-руесскаго союза.

Къ непредвидѣннымъ затрудненіямъ, встрѣчающимся при изслѣдованіи любой исторической эпохи—хотя бы даже ближайшей—слѣдуетъ отнести строго-объективную оцѣнку тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя вынуждали нерѣдко властителей странъ мѣнять, вопреки собственнымъ желаніямъ, симпатіямъ и убѣжденіямъ, курсъ внѣшней политики управляемыхъ имъ государствъ. Но анализируя безъ предвзятости послѣдовательный ходъ всѣхъ событій извѣстнаго періода, не слѣдуетъ придавать черезмѣрное значеніе достовѣрнымъ фактамъ и явленіямъ, служащимъ зачастую единственными отправными точками и опорными пунктами для всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій общественнаго мнѣнія на сложныя политическія темы. Публика склонна черезмѣрно опираться на достовѣрныя событія, сокращающія до минимума работу индивидуальнаго мышленія при выводѣ конечныхъ умозаключеній.

„Что можно противопоставить очевиднымъ фактамъ“? спрашиваетъ съ вызывающимъ апломбомъ большинство образованныхъ людей, при каждомъ столкновеніи двухъ противоположныхъ мнѣній. На это можно всегда отвѣтить—*очень мною!* Политика прошлаго, ставшая, благодаря времени, достояніемъ исторіи, уподобляется въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ космографіи и астрономіи, такъ блистательно опровергающихъ ложность многихъ предположеній, зиждящихся на впечатлѣніяхъ отъ *очевидности!* Вѣдь благодаря только скептически настроенному уму *Коперника*, человѣчество познало, къ великому своему удивленію, ошибочность предположенія относительно вращенія солнца вокругъ нашей земной планеты. Но подобное заблужде-

ніе нельзя было приравнивать къ господствовавшему въ ту пору предразсудкамъ, такъ какъ оно покоилось на осязательномъ чувствѣ, дарованномъ человѣку самой природой.

Что въ области международной политики и въ послѣдовательной исторической ея оцѣнкѣ ошибочныя предположенія встрѣчаются гораздо чаще, нежели въ какой-либо другой сферѣ проявленія человѣческаго ума, принимая нерѣдко всѣ характерныя свойства суевѣрія,—это весьма естественно, такъ какъ въ коллективныхъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ этнографически разъединенныхъ группъ людей нѣтъ ни заранѣе опредѣленнаго плана, могущаго служить канвой для принципіальнаго согласія, ни общей цѣли, преслѣдуемой всѣми съ одинаковымъ рвеніемъ.

I.

Царствованіе Императора Николая I отмѣчено многими западно-европейскими историками весьма односторонне, какъ эпоха сугубо-мрачной реакціи, связанной съ неоднократными попытками насильственнаго возстановленія попранныхъ правъ легитимизма и охраненія абсолютическаго образа правленія отъ посягательствъ на него со стороны революціонныхъ организацій. Съ первыхъ дней вступленія на престолъ, вплоть до своей кончины русскій самодержецъ не переставалъ вѣрить въ предназначенную ему самимъ Провидѣніемъ роль вѣнценоснаго борца-Геркулеса, обязаннаго безпощадно преслѣдовать и давить всюду гидру революціи. И дѣйствительно, желая словно испытать силу и мощь державнаго противника, международная крамола и антимонархическія выступленія никогда не достигали въ Европѣ такого широкаго распространенія и такой интенсивности, какъ за истекшіи тридцатилѣтній періодъ царствованія Императора Николая I. Убѣжденный консерваторъ до мозга костей и приверженецъ самодержавнаго образа правленія, русскій Государь готовился 7 разъ выступить съ вооруженной силой противъ революціонныхъ вспышекъ, грозящихъ спокойствію Европы. Если Императору Николаю I пришлось только два раза обнажить мечъ въ защиту легитимизма и монархическаго принципа, при подавленіи польскаго мятежа и возстаніи венгерцевъ, то это только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ и ловкости нѣкоторыхъ искусныхъ дипломатовъ, сумѣвшихъ во-время повліять на державнаго повелителя Россіи въ духъ умиротворенія. Іюльская революція въ Парижѣ въ 1830-мъ

году, отпаденіе Бельгіи отъ Нидерландовъ, февральскія и мартовскія событія во Франціи и Германіи въ 1848, усиленное броженіе въ Италиі, все это страшно возбуждало Императора Николая I и онъ съ трудомъ сдерживалъ въ себѣ порывъ покончить однимъ ударомъ съ крамольными движеніями въ различныхъ странахъ европейскаго материка.

Хотя общее направленіе политики русскаго самодержца было совершенно ясное и всѣмъ понятное, тѣмъ не менѣе многія весьма существенныя и интересныя детали остались малоизвѣстными. Нравственно-политическій обликъ Императора Николая I не вырисовывался съ достаточной рельефностью изъ окутавшаго его вслѣдствіе пристрастныхъ сужденій современниковъ тумана, благодаря которому вся Европа видѣла въ немъ только грозное воплощеніе реакціонныхъ идей. Въ такомъ призрачномъ явленіи, наводившемъ страхъ на всѣхъ, никто не хотѣлъ видѣть живого человѣка, чутко реагировавшаго на все, что затрагивало его умъ и сердце. Французскій историкъ ученый юристъ и членъ академіи *Артуръ Держарденг* (*Achille Arthur Desjardens*) постарался выяснить подлинныя чувства Императора *Николая I* къ Франціи за періодъ его царствованія и его взгляды на возможное сближеніе двухъ государствъ, имѣвшихъ гораздо болѣе связывающихъ, нежели разъединяющихъ ихъ интересовъ въ области внѣшней политики. Въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ *Nicolas I-er et la révolution de Juillet* авторъ сообщаетъ немало характерныхъ подробностей, рисующихъ своеобразныя условія, при которыхъ дипломатамъ приходилось дѣйствовать, и подлинную роль, какую игралъ самъ Императоръ Николай I при окончательномъ рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ. Изъ приведенныхъ мѣстами дословныхъ бесѣдъ Государя съ французскимъ посломъ графомъ *Бурюзномъ* (*comte de Bourgoïn*), характеръ, темпераментъ и проницательный умъ державнаго повелителя Россіи выступаютъ въ отчетливомъ и яркомъ освѣщеніи. Но попутно съ выясненіемъ всѣхъ основныхъ причинъ, побуждавшихъ Россію держаться извѣстнаго направленія во внѣшней политикѣ, сообщенія французскаго ученаго историка снимаютъ—насколько они касаются затронутыхъ имъ вопросовъ—и большинство взводимыхъ на представителей нашего дипломатическаго міра обвиненій относительно преступнаго ихъ равнодушія къ истиннымъ интересамъ Россіи и неумѣстнаго радѣнія о пользѣ и выгодахъ другихъ державъ, далеко не столь дружелюбно расположенныхъ къ намъ, какъ старались увѣрить въ этомъ ихъ правители.

Въ послѣдніе годы реставраціи Бурбоновъ отношенія между Россіей и Франціей сдѣлались особенно близкими. Когда въ 1828 году вспыхнула война между Россіей и Турціей, французскій король Карлъ X охотно давалъ офицерамъ своей арміи разрѣшеніе вступать въ ряды русскихъ войскъ, готовившихся уже перейти Прутъ. Однимъ изъ первыхъ, воспользовавшихся дозволеніемъ французскаго монарха, былъ маркизъ Анри де-Рош-жакаланъ.

Въ то время, когда взятіе Браилова, Варны, Карса и Ахалцыка возбудило въ австрійцахъ прямую зависть, французскій король продолжалъ по-прежнему проявлять благорасположеніе къ Россіи. Съ своей стороны и Николай I послѣ гибельнаго для турокъ пораженія при Адрианополѣ отказался принять посредничество Меттерниха, предложившаго произвести раздѣлъ Оттоманской Имперіи, но безъ участія Франціи. Спустя нѣкоторое время, когда готовилась французская экспедиція въ Алжиръ, Императоръ выразилъ въ дружеской бесѣдѣ съ французскимъ посломъ Бургоэномъ сожалѣніе, что не можетъ поддержать Карла X своими войсками, но въ то же время распорядился онъ, чтобы изъ архивовъ военнаго вѣдомства собраны были всевозможныя свѣдѣнія касательно способовъ борьбы съ восточными народами.

— „Я желаю, говорилъ Николай I, чтобы вы (французы) извлекли наибольшую пользу изъ той опытности, которую приобрѣли мы въ продолженіе вѣковой борьбы съ Турціей и азіатами“.—Онъ обратилъ также вниманіе французскаго правительства и на гигиеническія предосторожности, которыя необходимо было соблюдать въ алжирскомъ климатѣ, и вообще далъ приказъ относительно заготовки цѣлаго ряда мемуаровъ по вопросамъ, имѣющимъ серьезное значеніе для французской арміи. О взятіи города Алжира Императоръ узналъ, будучи довольно далеко отъ Петербурга на маневрахъ. Тотчасъ же послалъ онъ за Бургоэномъ и сказалъ ему: Французы взяли Алжиръ, напишите вашему королю; что это завоеваніе исполнило меня величайшей радостью, какъ будто оно сдѣлано при помощи тѣхъ пушекъ, которыя сейчасъ стрѣляютъ кругомъ насъ.

II.

Но дружба Императора *Николая I* къ Франціи и королю Карлу X не была слѣпой. Правда, французская конституція, ринятая Бурбонами послѣ первой реставраціи въ 1814 году,

далеко не была идеаломъ русскаго Государя, считавшаго всякаго рода ограниченія верховной власти неумѣстными. Но русскій посланникъ въ Парижѣ, графъ *Поццо-ди Борго* (родомъ корсиканецъ, прежній другъ дѣтства Наполеона Бонапарта, а затѣмъ непримиримый его врагъ), доставлялъ своему монарху отличныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, благодаря которымъ Императоръ *Николай I* ясно видѣлъ, что абсолютизмъ во Франціи не имѣетъ никакихъ шансовъ. Когда въ маѣ 1830 г. покидавшій Петербургъ французскій посолъ, герцогъ де *Мортмаръ* отправлялся въ Парижъ, Императоръ просилъ его передать королю совѣтъ, чтобы онъ не только вообще придерживался умѣреннаго образа дѣйствія во внутренней политикѣ, но и относился бы съ уваженіемъ къ конституціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ революціи *Николай I* говорилъ графу *Бургоэну*: „Если бы среди беспорядковъ, которые залили Парижъ кровью, толпа разграбила русское посольство и мои депеши были опубликованы, то всѣ были бы удивлены, узнавъ, что я былъ противъ переворота; всѣ разинули бы рты, увидавъ, что русскій самодержецъ поручалъ своему посланнику склонить короля къ сохраненію конституціи, установленной закономъ и утвержденной клятвою монарха“.

Такимъ образомъ, оказывается, что Императоръ *Николай I* вполне ясно предвидѣлъ всю нетактичность политики Полиньяка и прозорливо осуждалъ ее. Онъ всѣми силами старался удержать французское правительство отъ государственнаго переворота, но *Карлъ X*, унаслѣдовавшій преимущественно только ограниченное упрямство отъ своихъ предковъ, не обратилъ вниманія на дружескіе совѣты и поплатился за это короной. Еще 27-го іюля, получивъ отъ Поццо-ди-Борго депеши, извѣщавшія о задуманномъ переворотѣ, Императоръ *Николай I* призвалъ *Бургоэна* и конфиденціально сказалъ ему: „Я въ отчаяніи! Вы знаете, какъ близки мнѣ интересы Франціи и какъ расположенъ я къ Карлу X-му—и вотъ я вижу, что онъ идетъ прямо навстрѣчу гибели“!

Затѣмъ онъ сталъ спрашивать Бургоэна о томъ, какихъ окончательныхъ послѣдствій можно ожидать отъ борьбы, которая, несомнѣнно, завяжется теперь между правительствомъ и радикально настроеннымъ большинствомъ народа. *Бургоэнъ* отвѣчалъ уклончиво. Тогда *Николай I* обратился къ нему съ такими словами:—Замѣтьте! Теперь не русскій Императоръ разговариваетъ съ французскимъ уполномоченнымъ, а *Николай* обращается къ *Бургоэну*! Онъ хотѣлъ, хотя бы приблизительно

только, знать напередъ, что будетъ дѣлать армія, если въ Парижѣ вспыхнетъ возмущеніе, достаточно ли имѣется людей подъ ружьемъ, имѣютъ ли они достаточное содержаніе, каковы командиры и т. д. Черезъ девять дней, когда пришли извѣстія о первыхъ столкновеніяхъ между войсками и повстанцами, разговоръ этотъ возобновился снова въ Аничковомъ дворцѣ. Императоръ старался угадать, что случится, если *Карль X* будетъ свергнутъ, кого могутъ посадить на его мѣсто, не объявятъ ли республики? Нѣсколько разъ онъ выражалъ желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ монархической принца не былъ уничтоженъ. Подумали о *Луи-Филиппѣ*, но *Николай I* предпочелъ ему герцога *Ангулемскаго* или герцога *Бордоскаго*.

Но старшей линіи Бурбоновъ не суждено было пережить іюльскую революцію. Русскій посланникъ въ Парижѣ отлично понималъ это. Когда послѣ отреченія *Карла X* королевская семья переселилась въ Рамбулье, папскій нунцій, какъ исторической дознъ дипломатическаго корпуса въ Парижѣ, предложилъ всѣмъ аккредитованнымъ при французскомъ дворѣ посланникамъ послѣдовать туда же, то *Поццо-ди-Борю* прямо заявилъ, что отреченіе *Карла X* не удовлетворитъ инсургентовъ и что неминуемо должны произойти болѣе радикальныя перемѣны. Будучи преданъ Бурбонамъ не менѣе своего государя, *Поццо-ди-Борю* тѣмъ не менѣе видѣлъ, что ихъ дѣло проиграно окончательно и что поддерживать ихъ совершенно бесполезно.

Тотчасъ же послѣ іюльской революціи въ Петербургѣ рѣзко обозначились двѣ партіи: одна группировалась вокругъ министра финансовъ графа *Канкринна*, вице-канцлера графа *Нессельроде* и товарища его князя *Ливена*; другая партія опиралась на военнаго министра, графа *Чернышева*. Первая партія склонялась къ умѣренному образу дѣйствій, вторая—старалась вызвать немедленный разрывъ между Россіей и Франціей.

Самъ Императоръ и по характеру, и по образу мыслей ближе примыкалъ къ *Чернышеву* и его сторонникамъ. Ему несимпатична была точка зрѣнія *Канкринна*, который думалъ, что если ошибки *Карла X* приведутъ къ перемѣнѣ династіи во Франціи, то съ этимъ надо мириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. При одной мысли, что придется *поддаться революціи*, *Николай I* приходилъ въ негодованіе. Онъ—по его собственнымъ словамъ—*не желалъ себя обезчестить хотя бы молчаливымъ признаніемъ совершившагося факта*.. Наконецъ, революція 1830 года создавала ему цѣлый рядъ непріятностей, весьма близко касавшихся его самого.

Бельгійскія провинці, подчиненныя съ 1815 года королю Нидерландовъ, свояку Николая I, возмутились съ цѣлью добиться независимости. Польскія войска, видя, что надъ французскимъ консульствомъ въ Варшавѣ вновь развѣвается трехцвѣтное знамя 1799 и 1812 года, стали волноваться и скоро подняли страшное возстаніе. Наконецъ союзъ съ Франціей былъ за послѣднее время основой нѣкоторыхъ важныхъ комбинацій русской дипломатіи, особенно что касалось ближневосточныхъ дѣлъ, и Императоръ *Николай I*, лелѣявшій эту мысль, опасался теперь, что правительство, созданное революціоннымъ движеніемъ, откажется, пожалуй, отъ союза съ самодержавнымъ государемъ. Всѣ эти причины и соображенія заставили Императора *Николая I* отнестись къ парижскимъ событіямъ крайне непріязненно.

Между тѣмъ представители Россіи при двухъ главныхъ Дворахъ Западной Европы—англійскомъ и французскомъ—не только сами не раздѣляли точки зрѣнія Императора, но пытались вдобавокъ воздѣйствовать на него въ противоположномъ смыслѣ.

Въ Парижѣ *Поццо-ди-Борио* старался при составленіи своихъ депешъ и всеподданнѣйшихъ донесеній по возможности не усиливать раздраженіе Государя противъ революціонной партіи, а напротивъ дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на встревоженное событіями воображеніе Императора. Въ Лондонѣ, съ ноября 1829 года, русскимъ посланникомъ былъ графъ *Матусевичъ*, человекъ выдающихся дарованій, соединявшій независимость мнѣній съ громаднымъ дипломатическимъ тактомъ. *Нессельроде* далъ ему титулъ чрезвычайнаго посланника, а *Ливень* рекомендовалъ его англійскимъ министрамъ, какъ носителя самыхъ сокровенныхъ мыслей русскаго правительства и довѣреннаго лица у Императора.

Узнавъ 28 іюля 1830 г. изъ газетъ о происшедшей въ Парижѣ революціи, *Матусевичъ* отправился немедленно къ лорду *Абердину*, котораго засталъ въ большомъ волненіи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ утратилъ подъ впечатлѣніемъ полученныхъ имъ изъ Парижа извѣстій способность къ хладнокровному объективному мышленію. Бесѣду съ *Матусевичемъ* онъ началъ съ того, что призналъ пресловутые „ордонансы“ *Полиньяка* превосходными, а кончилъ тѣмъ, что назвалъ ихъ весьма прискорбнымъ фактомъ.

Но въ то же время онъ выразилъ мнѣніе, что надо усмирить революціонеровъ, и что Шомонскій трактатъ налагаетъ на великія державы обязательство помочь Карлу X. Этотъ трак-

татъ, заключенный между Австріей, Великобританіей, Пруссіей и Россіей 1-го марта 1814 г., содержалъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее: „*Высокія договаривающіяся стороны торжественно обязуются одна по отношенію къ другой, на случай, если Франція откажется принять предложенныя условія мира, посвятить всѣ усилія свои на упорное продолженіе настоящей войны противъ нея, чтобы обезпечить и себѣ и всей Европѣ общій миръ, подъ кровомъ котораго были бы утверждены и гарантированы права и свобода всѣхъ націй... Высокія договаривающіяся стороны обязуются не вступать съ общимъ врагомъ въ сепаратныя переговоры и не подписывать ни условій мира, ни перемирія, ни конвенціи иначе, какъ съ общаго согласія. Онѣ обязываются не полагать оружія, пока не будетъ достигнута цѣль войны“.*

Матусевичъ вполне резонно отвѣтилъ англійскому дипломату:—Я не понимаю, при чемъ тутъ Шомонскій трактатъ. Человѣкъ, противъ котораго онъ былъ направленъ, давно уже сошелъ со сцены, и давно уже эта конвенція не входитъ въ составъ дѣйствующаго международнаго права. Она была замѣнена сначала Парижскимъ трактатомъ, потомъ договорами въ Ахенѣ. Перечитайте эти акты, милордъ, перечитайте сопровождающую Парижскій трактатъ ноту четырехъ державъ,—и вы поймете, что, если державы гарантировали Бурбонамъ Францію, то въ то же время онѣ гарантировали Франціи *Бурбоновъ съ конституціонной хартіей*. Такова буква, таковъ и смыслъ этихъ обязательствъ. Теперь *Полиньякъ* считаетъ современнымъ уничтожить хартію. Можетъ быть, онъ и правъ, и я вполне искренно желаю успѣха его начинаніямъ; но я не могу удержаться отъ замѣчанія, что эти начинанія совершенно измѣняютъ положеніе великихъ державъ относительно Карла X. Онъ освободилъ ихъ своимъ переворотомъ отъ прежнихъ обязательствъ. Державы должны уважать свои договоры, но ихъ нельзя заставить, чтобы онѣ взяли за оружіе съ цѣлью ввести во Франціи новое государственное устройство вмѣстѣ съ *Полиньякомъ*, либо съ цѣлью доказать, что *Полиньякъ*—единственный человѣкъ въ мірѣ, способный управлять этимъ государствомъ.

Необходимо подчеркнуть знаменательный фактъ, что этотъ урокъ международнаго права былъ данъ представителемъ „варварской“, „автократической“ Россіи, министру архилиберальной, конституціонной Англійи. Твердость и ясность взглядовъ русскаго посла не могли не оказать значительнаго вліянія на англійскаго дипломата. Съ другой стороны, *Матусевичъ*, зная господствующее теченіе въ Петербургѣ, поспѣшилъ и туда послать

объясненія, способствующія предотвращенію пагубной войны. Онъ указывалъ, что общественное мнѣніе въ Англіи противъ вооруженнаго вмѣшательства во французскія дѣла. Но если Англія не вступитъ съ Россіей въ союзъ, то ясно, что она очутится въ рядахъ враговъ Россіи. Во всякомъ случаѣ Матусевичъ отстаивалъ энергично свою точку зрѣнія, что съ Англіей или безъ нея, но Россіи нѣтъ смысла вступать въ борьбу съ Франціей; Россія должна стремиться къ тому, чтобы Франція была не раздѣлена и ослаблена, а наоборотъ, крѣпка и могуча, ибо только въ такомъ случаѣ она можетъ быть надежнымъ союзникомъ нашимъ.

„Блаженной памяти Императору Александру I,—говоритъ Матусевичъ,—мы обязаны политической системѣ, давшей возможность установить вполне прочныя и даже дружественныя отношенія между Россіей и Франціей. Онъ не только воспрепятствовалъ раздѣлу и униженію Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ, но снова поставилъ ее на степень великой европейской державы въ 1818 г., между прочимъ онъ, защитилъ ее отъ Англіи во время испанской экспедиціи ¹⁾. Съ своей стороны, и Франція оказала намъ услуги во время Турецкой войны.

Вспоминая всѣ эти факты, можно убѣдиться, какое значеніе имѣетъ для насъ это государство, и какъ прозорлива была въ этомъ направленіи политика Александра I. Напасть на Францію—значитъ на вѣки прервать нравственныя узы, столь необходимыя и полезныя для обѣихъ націй. Да и какая можетъ быть цѣль подобнаго нападенія? Неужели мы хотимъ возстановить во Франціи старшую вѣтвь Бурбоновъ? Но, чтобы утвердить ее тамъ, надо постоянно держать въ странѣ громадную оккупационную армію. Вмѣсто независимой Франціи мы будемъ имѣть дѣло съ Франціей порабощенной. Неужели мы станемъ расчленять тридцатимилліонную націю?“

¹⁾ Въ 1823 году, король Фердинандъ VII, вынуждено присягнувшій, послѣ изгнанія Наполеонидовъ и французской арміи изъ Испаніи, конституціи 1812 года, желалъ возстановить вновь прежнюю абсолютную власть монарха. Онъ обратился для этого съ секретнымъ посланіемъ къ Священному Союзу, въ которомъ просилъ помощи противъ засилья кортесовъ и радикальной партіи. По состоявшемуся по этому поводу соглашенію между Россіей, Франціей и Австріей французскій король Людовикъ XVIII послалъ въ 1823 году экспедиціонный корпусъ въ Испанію. Послѣ занятія Мадрида французскими войсками Фердинандъ VII упразднилъ конституціонный образъ правленія, объявивъ всѣ прежнія распоряженія правительства недействительными.

Матусевичъ указалъ, сверхъ того, и на коренную разницу въ политическихъ стремленіяхъ Россіи съ одной стороны, Австріи и Англіи—съ другой: „двѣ послѣднія державы не видятъ никакой пользы для себя въ экономическомъ и политическомъ преуспѣяніи Франціи; ослабленіе ея вліянія въ европейскомъ концертѣ не противорѣчитъ ихъ жизненнымъ интересамъ; для Россіи же, наоборотъ, важно чтобы Франція была сильна, богата, спокойна, была бы монархіей и чтобы она не теряла своего мѣста и значенія въ симметрической группировкѣ великихъ державъ“.

Матусевичъ понималъ, что принципы внутренней политики того или другого государства могутъ измѣняться сколько угодно, но эти перемѣны не должны отражаться на внѣшней ихъ политикѣ. Франко-русскій союзъ основывается не на личныхъ отношеніяхъ главъ Россіи и Франціи. Интересы обѣихъ странъ переплетаются на многихъ поприщахъ и при разнообразныхъ условіяхъ настолько тѣсно, что дружба этихъ двухъ державъ можетъ пережить вліянія перемѣны въ образѣ правленія. Замѣчательно, что *Матусевичъ* и *Бурюэнъ*, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, дѣйствовали совершенно въ одномъ и томъ же духѣ, при чемъ выражались даже приблизительно одинаково.

Сообщ. М. В. Станиславскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

